

Трудовая миграция из Северной Кореи как важное направление ее внешнеэкономических связей

© 2017

Л.В. Захарова

Статья содержит анализ современной ситуации в области временной трудовой миграции из КНДР, значения для ее экономики этого вида международного сотрудничества и его перспектив в условиях действующих санкций Совета Безопасности ООН. Представлена оценка масштабов и направлений экспорта северо-корейской рабочей силы.

Ключевые слова: КНДР, экономика, сотрудничество, трудовая миграция, рабочая сила, санкции.

В условиях действующих международных ограничений в торговой, финансовой, логистической и прочих сферах руководство КНДР изыскивает альтернативные возможности диверсификации внешнеэкономической деятельности. Одно из важных направлений развития экономических связей с другими государствами для Северной Кореи на современном этапе — экспорт рабочей силы. Значение данного вида сотрудничества обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. С одной стороны, в КНДР налично избыток трудовых ресурсов из-за нехватки рабочих мест внутри страны. С другой стороны, во многих странах (включая соседствующие с КНДР) лучше платят, и у них есть потребность в привлечении дополнительных рабочих рук. Благодаря этому рабочие из КНДР оказываются конкурентоспособными на региональном рынке, особенно в трудоемких отраслях промышленности, строительстве, сельском хозяйстве.

Восприятие в мире экспорта северо-корейских трудовых ресурсов

Последние годы отмечены заметным ростом внимания к данной теме, особенно в Южной Корее. Фокус публикаций, в том числе научных, обычно смещен к поиску нарушений прав человека со стороны северо-корейских властей. В СМИ, в реляциях правозащитников, даже в научных исследованиях отправку из КНДР рабочих за рубеж принято квалифицировать как «рабство, спонсируемое государством».

В 2012 г. в Сеуле Стратегический центр по Северной Корее (North Korea Strategy Center) огласил доклад «Условия работы северных корейцев за рубежом» (The Conditions of the North Korean Overseas Labor). Своей целью авторы ставили «описание действующей системы и условий жизни северо-корейских рабочих за рубежом и выявление нарушений прав человека в этой системе». На основе опросов граждан КНДР, поработавших

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–78–10126 «Трансформация социально-экономической системы КНДР как фактор мирного урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове»).

за границей, были представлены оценочные данные по количеству и статусу «отходников», объему зарабатываемой ими валюты и т.д.

Два года спустя Комиссия по расследованию нарушений прав человека в Северной Корее, созданная в 2013 г. Советом по правам человека ООН, огласила на сайте Верховного комиссара ООН по правам человека Доклад ООН о правах человека в КНДР, в котором акцентировалось внимание на «многочисленных преступлениях северокаорейского режима против собственных граждан и человечности» (хотя тема «принуждения к труду в невыносимых условиях на зарубежных объектах» в Докладе затронута не была). Этот пробел был вскоре заполнен южнокорейским Институтом политических исследований Асан (Asan Institute for Policy Studies) в трактате «За рамками доклада комиссии ООН по правам человека в Северной Корее» («Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea»). В нем северокаорейский режим обвинялся в том, что к своим гражданам относится как к бесплатному трудовому ресурсу и принуждает их работать в условиях, близких к рабству. По версии авторов, именно вынужденные работать за рубежом северные корейцы, а также работники ядерных объектов в КНДР должны являться ключевыми объектами воздействия, чтобы добиться прекращения ядерной программы Северной Кореи. В 2015 г. вышел доклад «Права человека и рабочие Северной Кореи за рубежом: дилеммы и изменения политики» («Human Rights and North Korea's Overseas Laborers: Dilemmas and Policy Changes») за авторством южнокорейской правозащитной организации Центр базы данных по правам человека в Северной Корее (Database Center for North Korean Human Rights).

Тогда же достоянием гласности стал доклад «Воля государства: принудительный труд северных корейцев» («The Will of the State: North Korean Forced Labour»), составленный неправительственной организацией Европейский союз за права человека в Северной Корее (European Alliance for Human Rights in North Korea). В 2016 г. было опубликовано исследование, подготовленное в Лейденском университете под названием «Рабы системы: исследование принудительного труда северных корейцев в ЕС» («Slaves of the system: Research on North Korean forced labour in the EU»), посвященное положению северокаорейских рабочих в странах Евросоюза (преимущественно, в Польше). Внимание здесь акцентировалось на том, как трудовые практики, принятые в КНДР, применяются к северокаорейским рабочим за рубежом. В частности, указывалось, что экономическая выгода от их труда идет напрямую государству, которое потом возвращает рабочим ее небольшую часть, обычно достаточную лишь для того, чтобы поддерживать необходимый уровень существования (однако этот заработок в реальном выражении может быть лучше, чем в самой КНДР)¹.

В российской науке теме трудовой миграции из КНДР на Дальний Восток России традиционно отводилось особое место в силу значимости этого аспекта взаимодействия двух стран. Вклад в исследование проблемы внесли Бок Зи Коу, А.Т. Кузин, Г.Б. Дудченко, А.В. Друзьяка, И.В. Безик, а также Л.В. Забровская и А.С. Ващук, предложившие свои варианты периодизации сотрудничества КНДР и России в данной сфере. В монографии Н.Е. Бажановой «Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика» указывалось на перспективность экономического сотрудничества между Россией и КНДР через развитие «производственной специализации и кооперации с последующим созданием совместных предприятий» — прежде всего в лесной промышленности и сельском хозяйстве². Предусматривалось, чтобы корейская сторона главным образом предоставляла рабочую силу, а российская — сырье, земли, технику, технологии.

Своей целью автор данного исследования ставит следующее: представить объективный анализ современной ситуации в области временной трудовой миграции из КНДР, значения этой формы международного сотрудничества для Северной Кореи и, наконец, его перспектив в условиях действующих санкций Совета Безопасности ООН. Рассмотр-

ние вопросов соблюдения прав северокорейских рабочих за рубежом в рамки настоящей статьи не входит.

В процессе исследования были использованы такие методы как анализ имеющихся в открытом доступе материалов по теме на русском, английском и корейском языках, а также экспертные консультации со специалистами, имеющими доступ к северокорейским рабочим за рубежом.

Исторический экскурс

Первые официальные соглашения между Правительством СССР и северокорейскими властями, а затем, после формального провозглашения независимости, и Правительством КНДР, о привлечении корейцев для работы на Дальнем Востоке были заключены еще во второй половине 1940-х годов³. В 1946–1949 гг. на Сахалин прибыли около 26 тыс. жителей Северной Кореи (из них около 20 тыс. были рабочими, остальные — члены семей)⁴. В 1952 г. в Приморье на предприятиях Приморрыбпрома трудились 935 граждан КНДР. Документы фиксируют их добросовестную и без нареканий с советской стороны работу. На конец 1952 г. в крае насчитывалось в общей сложности 1253 северокорейских рабочих и членов их семей. Во второй половине 1950-х годов значительное число северокорейцев трудилось в сфере народного хозяйства Хабаровского края, в состав которого до 1956 г. входила и Камчатская область⁵. Въезд трудовых мигрантов из КНДР осуществлялся в упрощенном порядке, по специальным разрешениям.

На начальном этапе корейцы работали главным образом в рыбной промышленности Дальнего Востока России, а потом сфера их занятости расширилась за счет лесоповала, деревообработки и пр. В условиях острого дефицита трудовых ресурсов в этом регионе СССР Москва считала привлечение иностранной силы одним из способов решения проблемы. При этом именно северокорейцы доставляли местным властям намного меньше проблем по сравнению с китайскими рабочими и даже гражданами СССР, приезжавшими на Дальний Восток по рабочим контрактам⁶. Первая волна трудовой миграции из КНДР с концентрацией главным образом на Сахалине завершилась последующей отправкой большей части рабочих на родину, в 1962 г. выехала последняя партия. При этом часть из въезжавших по трудовым контрактам северных корейцев получила советское гражданство и осталась жить в СССР к большому неудовольствию КНДР⁷.

В 1957 г. КНДР и СССР заключили соглашение о заготовке леса, по которому советское правительство предоставило корейским рабочим возможность в 1957–1962 гг. (в 1960 г. был подписан протокол о продлении срока действия соглашения до 1972 г.) заготавливать древесину в количестве 1,5 млн куб. м в леспромхозе Хабаровского края. При этом за каждый кубометр КНДР обязывалась заготавливать 1,33 куб. м для СССР, советская сторона оказывала необходимую техническую помощь в проведении работ и доставке леса до границы⁸. Это ознаменовало начало новой волны трудовой миграции из КНДР с концентрацией в Хабаровском крае и последующим распространением на территорию Амурской области. А.С. Вашук отмечает, что этот этап характеризуется новым порядком привлечения северокорейских рабочих, который можно определить как «компенсационную модель международной трудовой миграции»⁹.

Из-за нарушений правил рубки леса с северокорейской стороны (на фоне обострения советско-северокорейских политических отношений) в 1965–1966 гг. лесозаготовительное представительство КНДР в СССР прекратило свои операции. Но уже в 1967 г. стороны подписали новое соглашение, и заготовительные работы были возобновлены, поскольку Северная Корея остро нуждалась в лесоматериалах, а для СССР в условиях дефицита рабочей силы в районах Дальнего Востока такая форма сотрудничества была экономически рентабельной¹⁰.

За 1964–1974 гг. численность корейских работников на территории Хабаровского края увеличилась почти в 1,6 раза и достигла 14,5 тыс. человек. В 1975 г. было заключено межправительственное соглашение о привлечении северокорейской рабочей силы к лесозаготовкам и на территории Амурской области¹¹.

К середине 1980-х годов силами корейских рабочих в Хабаровском крае были созданы десять леспромхозов с годовой мощностью около 5 млн куб. м древесины и в Амурской области пять леспромхозов с годовой мощностью 2,4 млн куб. м¹². В 1989 г. на лесоповалах Дальнего Востока России работали 20 550 человек из КНДР (в том числе 13 550 человек — в Хабаровском крае и 7000 человек — в Амурской области)¹³.

В постсоветскую эпоху КНДР продолжила отправлять рабочих на Дальний Восток России, обеспечивая себе таким образом возможность для заработка иностранной валюты. Существенно изменились условия въезда (перевод на визовую основу взаимных поездок) и пребывания северокорейских граждан в России. Началось активное освоение новых территорий, прежде всего за счет Приморского края, и сфер деятельности (сельское хозяйство и строительство). К началу XXI века на территории Дальнего Востока трудились около 20 тыс. мигрантов из КНДР¹⁴.

В 1970-е годы Пхеньян начал отправлять своих рабочих в Африку и на Ближний Восток. В 1975 г. в рамках Министерства внешней торговли было создано Агентство зарубежного строительства, в ведении которого находилась отправка рабочих соответствующих профессий в другие страны, прежде всего на Ближний Восток, переживавший тогда этап бурного строительства¹⁵.

В 1990-е годы в разных странах стали открываться рестораны корейской кухни, в которых также работали граждане КНДР. В дальнейшем стала расширяться как география, так и специальности трудовых мигрантов из Северной Кореи. По имеющимся оценкам, всего рабочие из КНДР успели поработать в более чем 40 странах мира.

Оценки масштабов и направлений экспорта рабочей силы из КНДР

Северная Корея не предоставляет официальной статистики по количеству отправленной за рубеж рабочей силы. Как и в случае с оценочными данными по ее внешней торговле, которые формируются на основе суммирования статистики стран-партнеров, исследователи и аналитики пользуются цифрами официальных органов государств, принимающих северокорейскую рабочую силу. При этом надо иметь в виду, что далеко не все страны предоставляют подобную статистику в открытом доступе и на регулярной основе. При этом, как ни парадоксально, некоторые государства при учете иностранных граждан, пересекающих их границу, не делают различий между северными и южными корейцами. Все это создает дополнительные сложности для анализа масштабов и основных направлений экспорта северокорейской рабочей силы.

Основные источники количественных оценок трудовой миграции из КНДР, как и информации о специфике ее организации являются разного рода доклады, подготовленные исследовательскими и правозащитными организациями, (расположенными чаще всего в Республике Корея и США). Среди них — Стратегический центр по Северной Корее (в РК), Центр базы данных по правам человека в Северной Корее (в РК), Комитет по правам человека в Северной Корее (в США). Они расценивают отправку рабочих за рубеж как целенаправленную деятельность северокорейских органов по обеспечению притока иностранной валюты, осуществляемую по указанию руководства КНДР. По их данным, в последние годы количество выезжающих на заработки за рубеж граждан КНДР существенно увеличилось, поскольку государству нужна валюта. Оценки общего числа северокорейских рабочих, нанятых за рубежом в начале 2010-х годов, обычно колеблются от 50 тыс. до 65 тыс. человек. К середине 2010-х годов их количество увеличилось примерно до 100 тысяч¹⁶.

Среди принимающих — Россия, Китай, Монголия, государства Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки. До недавнего времени принимали рабочих из Северной Кореи и страны ЕС — такие, как Чехия, Польша, а также Австрия, Нидерланды и Мальта. Но в 2006 г. первая из них перестала выдавать таковым рабочие визы, а в 2016 г. к ней присоединились Польша и Мальта: таков был результат активизации международного давления на страны — реципиенты трудового экспорта из КНДР¹⁷.

Согласно исследованию Азиатского центра Лейденского университета, за период с 2008 по 2015 г. в Польше было выдано 2783 разрешения на работу для северных корейцев, трудившихся в ряде компаний в области судостроения, сельского хозяйства и строительства¹⁸. По имеющимся оценкам, именно в странах Евросоюза, граждане КНДР получали наиболее высокие зарплаты по сравнению с другими странами-реципиентами.

Таблица 1

**Структура трудовой миграции из КНДР
на основе анализа различных источников (начало 2010-х гг.)**

Принимающие страны / регионы	Примерное количество рабочих	Сферы занятости
Китай	20–30 тыс. человек (длительное пребывание)	Текстильная и добывающая промышленность, сборочное производство, ресторанный бизнес, компьютерное программирование, медицина
Россия и Белоруссия	20–25 тыс. человек	Строительство, лесная и текстильная промышленность, ресторанный бизнес, сельское хозяйство
Ближний Восток и Северная Африка (Кувейт, Катар, ОАЭ, Ливия, Оман, Алжир)	10–15 тыс. человек	Строительство и медицина, текстильная промышленность
Европа (Польша, Чехия, Мальта)	1–5 тыс. человек	Текстильная промышленность, судостроение, сельское хозяйство, преподавание тхэквондо
Африка южнее Сахары (Ангола, Намибия, Нигерия, Эфиопия, Экваториальная Гвинея)	2–8 тыс. человек	Сооружение памятников, преподавание тхэквондо, медицина
Монголия	1,3–5 тыс. человек	Текстильная и добывающая промышленность, строительство
Страны Юго-Восточной Азии (Малайзия, Вьетнам, Мьянма)	1–15 тыс. человек	Строительство, добывающая промышленность, ресторанный бизнес

Источники: *International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: North Korea Strategy Center, 2012. P.19; Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go, Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea. Seoul: The Asan Institute for Policy Studies, 2014. P.30*

Среди основных сфер занятости северокорейских рабочих за рубежом можно выделить строительство, производство (прежде всего, текстильное и сборочное), лесозаготовки, а также медицину и ряд узкопрофильных сфер (например, компьютерное программирование, обучение тхэквондо и т.п.). Особое место занимает отправка персонала в северокорейские рестораны (официанток, поваров, менеджеров). По некоторым подсчетам, в настоящее время в 12 странах мира насчитывается около 130 подобных заведе-

ний, главным образом в Китае, странах Юго-Восточной Азии, а также России и ОАЭ. В Европе первый северокорейский ресторан открылся в Нидерландах в 2012 г., однако через некоторое время он был закрыт¹⁹.

В табл. 1 представлены сводные данные из нескольких источников по направлениям, количеству и областям занятости трудовых мигрантов из КНДР.

Учитывая территориальную близость и протяженность границы, вполне логично было бы предположить, что крупнейшим реципиентом северокорейской рабочей силы является *Китай*. Однако точных официальных данных по количеству северокорейских рабочих в КНР автору найти не удалось. Есть статистика Государственного управления Китая по туризму о количестве въезжающих в КНР северных корейцев, в том числе по категории «рабочие и члены экипажа», однако неясно, как можно выделить из них тех граждан КНДР, что работают здесь по контрактам, заключенным с китайскими компаниями. В 2013–2015 гг. число въехавших в КНР граждан КНДР по этой категории составляло около 90 тыс. человек в год (табл. 2). По мнению китайских ученых, среди них могут быть и посещающие КНР на короткий срок члены бизнес-делегаций, и работники корейских ресторанов, и просто одни и те же люди, что въезжали из КНДР по несколько раз в течение одного года²⁰. Отсюда обычно делается вывод, что реальное количество северокорейских рабочих существенно ниже. При этом, по южнокорейским оценкам, в 2016 г. в КНР таковых находилось порядка 70–80 тыс.²¹, что позволяет счесть КНР основным реципиентом трудовых мигрантов из КНДР.

Таблица 2

Количество человек, въехавших из КНДР в Китай (2010–2015 гг.), тыс. человек

	Всего	Бизнес	Туризм	Родственники и друзья	Рабочие и члены экипажа	Другие
2015	188,3	25,9	1,5	0,1	94,2	66,7
2014	184,4	33,9	1,5	0,1	89,1	59,7
2013	206,6	55,1	2,9	0,3	93,3	55,0
2012	180,6	55,2	4,5	0,2	79,6	41,1
2011	152,3	39,0	4,6	0,1	75,3	33,3
2010	116,4	25,3	4,3	0,4	53,9	32,4

Источник: Li Tingting. *China-North Korea Trade 2015: The Beginning of a Downturn*. // *Joint U.S. Korea Academic Studies* 2016, Vol.27. USA. P.189

По имеющимся оценкам, наибольшее количество северокорейских рабочих (около 20 тыс. человек) находится в приграничном городе Дандун, где они работают, главным образом, в текстильной промышленности, переработке пищевой продукции и строительстве, а также на механических заводах и в сборочном производстве. Обычно зарплата северокорейских рабочих составляет около 75% от уровня местных китайцев за ту же работу. Отсюда следует, что средняя зарплата граждан КНДР в Дандуне составляет порядка 300–320 долл. в месяц (при этом после вычета налогов и сборов, отправляемых в Пхеньян, а также расходов на проживание и питание, на руки они получают около 70–100 долл.)²². Учитывая тенденцию роста заработной платы в Китае, есть основания полагать, что интерес к найму северных корейцев у местных компаний сохранится.

Северокорейские рабочие в России

Как следует из исторической части данной статьи, сотрудничество в области привлечения трудовых ресурсов из КНДР является традиционной сферой экономического взаимодействия России и Северной Кореи. Актуальность этого направления двусто-

ронных связей существенно возросла в начале XXI в. в связи с реализацией федеральных и региональных программ развития Дальнего Востока России, в процессе которой потребовалось наращивать численность рабочих, занятых в сфере строительства и других трудоемких отраслях экономики. Граждане Северной Кореи, в частности, трудились на строительстве комплекса зданий Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) на острове Русский, где в дни саммита АТЭС 2012 г. проживали мировые лидеры.

В России граждане КНДР могут осуществлять легальную трудовую деятельность при условии получения визы и разрешения на работу. Условия их въезда и работы регулируются межправительственным соглашением между РФ и КНДР о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого от 31 августа 2007 г., которое вступило в действие 29 декабря 2009 г. В порядке, предусмотренном в данном документе, создана совместная рабочая группа, которая проводит заседания для решения вопросов, связанных с реализацией соглашения.

По данным Федеральной миграционной службы РФ, количество граждан КНДР, осуществлявших трудовую деятельность в России, увеличилось с 8,7 тыс. чел. в 2000 г. до 36,5 тыс. чел. в 2010 г.²³ (по другим данным, в 2010 г. таковых для работы на территории РФ было привлечено около 21 тыс.). В 2015 г. Россия увеличила квоту для рабочих из Северной Кореи до 47 тыс., однако реальное количество граждан КНДР, имевших действующее разрешение на работу в России на конец 2014 г., составило 30,7 тыс., а в конце 2015 г. — 30,4 тыс. человек²⁴. Согласно классификации Федеральной службы государственной статистики России, в 2014 г. 72,7% трудовых мигрантов из КНДР принадлежали к профессиональной группе «рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах», почти 6,9% — «другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий», 3,5% — «специалисты в области естественных и инженерных наук», 3,5% — «квалифицированные работники товарного сельхозпроизводства, лесного и охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию»²⁵.

Рабочие из КНДР въезжают на территорию РФ «в соответствии с договорами о выполнении работ или об оказании услуг, заключенными между физическими или юридическими лицами принимающего государства (заказчики) и юридическими лицами государства постоянного проживания (подрядчики)»²⁶. То есть для приглашения и найма рабочих из Северной Кореи российские граждане и компании должны заключать с компаниями КНДР соответствующие договоры. При этом оплата и другие условия труда регулируются договорами, заключаемыми этими работниками и исполнителями работ (подрядчиками), то есть северокорейскими компаниями, организовавшими их приезд в Россию. Ст. 6 Соглашения предусматривает, что условия труда граждан КНДР должны быть не менее благоприятными, чем предусмотренные для россиян, выполняющих аналогичную работу у того же заказчика. В межгосударственном документе также зафиксировано, что работники из КНДР могут приобретать иностранную валюту на внутреннем рынке России, а также переводить и перевозить с собой заработанные средства в иностранной валюте на Родину при условии соблюдения российского законодательства (ст. 11).

В середине 2016 г. в России насчитывалось 31,5 тыс. северокорейских граждан, прибывших на легальных основаниях для осуществления временной трудовой деятельности. То есть на рабочих из КНДР пришлось 18% от общего числа иностранцев, имевших действующее разрешение на работу в РФ (2-е место после Китая)²⁷. По данным миграционных властей России, больше всего северных корейцев приезжает в Приморский край (не менее 25%), в Новосибирскую область, Хабаровский край, Иркутскую область и Амурскую область²⁸.

Раньше труд рабочих из КНДР использовался главным образом на лесозаготовках, но после повышения экспортных пошлин на круглый лес, этот бизнес стал намного менее

выгодным, и число занятых в нем корейцев существенно сократилось. По имеющимся оценкам, ныне около 80% северокаорейских рабочих в России заняты в строительстве.

По информации Посольства КНДР в Российской Федерации, средняя заработная плата одного трудового мигранта из КНДР составляет 15 тыс. рублей²⁹ (около 230 долл.) Другие источники оценивают средний заработок строителей из КНДР в РФ в 980 долл.³⁰ (что превышает даже средний уровень зарплаты в РФ).

Очень востребованы северокаорейские рабочие на строительном рынке Приморья, где по некоторым оценкам их доля составляет более 30%³¹. В Интернете даже можно найти сайт российской компании под названием *remontkorea.ru*, рекламирующий услуги мастеров по отделочным работам из КНДР. Северокаорейские строители участвовали в строительстве аквапарка «Чудо-остров» на Камчатке, оставив о себе положительные отзывы.

Рабочие из КНДР имеют хорошую репутацию на трудовом рынке России и востребованы не только на Дальнем Востоке. Шведы из КНДР работают, например, на фабриках в Новгородской области, причем несколько предприятий подавали заявки на увеличение количества рабочих из этой страны. На стройках Москвы, Казани, Томска, Красноярска и Санкт-Петербурга трудятся несколько строительных бригад из КНДР.

Посол России в КНДР А. Мацегора в интервью РИА Новости в апреле 2017 г. назвал каорейскую рабочую силу одним из двух крупных направлений сотрудничества (второе — логистический проект Хасан — Раджин), которые сохраняются у России и КНДР в условиях международных санкций и которые являются очень выгодными для России³². В марте 2017 г. в ходе очередного заседания совместной рабочей группы стороны подтвердили обоюдное стремление к расширению взаимодействия в области временной трудовой миграции.

Значение экспорта рабочей силы для экономики КНДР

Отправка рабочих за рубеж осуществляется по линии государственных компаний. Самая известная из них — «Рыннадо», которую европейские эксперты оценивают как «северокаорейскую версию мультинациональной корпорации». Функционирующая по всему миру, она отвечает за обучающие учреждения, в которых потенциальные рабочие проходят проверки и готовятся к зарубежной трудовой деятельности³³. Принято считать, что «Рыннадо», как и некоторые другие подобные фирмы, контролируется Трудовой партией Кореи (по другим данным, так было раньше, а потом они были переданы в ведение Кабинета министров КНДР). Компании, отправляющие рабочих в другие страны, могут находиться в ведении различных министерств и ведомств, например, Chosun Economic Cooperation Company (при Министерстве торговли) и Botonggang Trading Company (при Министерстве легкой промышленности). Часть из них связана непосредственно с армией и аффилирована при Министерстве народных вооруженных сил³⁴.

В принимающих странах обычно есть местные компании, иногда с северокаорейским капиталом, которые осуществляют поддержку и координацию приема рабочих непосредственно на местах. Например, в России часто рабочую силу из КНДР привлекают не российские предприятия, а «дочки» каорейских организаций, которые регистрируются в РФ по российскому законодательству и являются как бы «приглашающей стороной»³⁵.

По мнению одного из российских экспертов по Корее, который имеет контакты с северокаорейскими рабочими, занятыми на стройках в Москве, организация их деятельности напоминает военную структуру. А если учесть, что в КНДР часто именно армия обеспечивает строительные объекты трудовыми ресурсами, то правомерен вывод, что часть трудовых мигрантов из Северной Кореи может принадлежать ее армии, особенно в сфере строительства. Таково мнение ряда южнокорейских организаций³⁶. Таким образом, можно говорить о формировании разветвленной системы государственной организа-

ции экспорта рабочей силы из КНДР, наличие которой подтверждает значимость этой формы сотрудничества для ее экономики.

Из опросов граждан КНДР, участвовавших в работах за рубежом, известно, что возможность выезда за границу получают те, кого власти считают благонадежными и политически лояльными. Потенциальные «отходники» проходят специальный отбор и проверки. Значительная часть из них — жители Пхеньяна, хотя в последние годы растет число командированных из других районов. Обычный срок «зарубежной командировки» — 3 года.

По данным экспертов, опрашивавших перебежчиков, кое-кто даже платил взятки за шанс попасть в число избранных³⁷. При этом «по требованию властей» большую часть своих заработков рабочие должны отдавать на расходы (за проживание и питание) и отправлять на родину под маркой разного рода сборов. Доля, подлежащая сдаче властям, обычно оценивается в диапазоне от 50 до 90%. По данным из южнокорейских источников, на руки в виде зарплаты (оставшейся после всех вычетов) северокаорейские рабочие за рубежом получают около 120–150 долл. в месяц³⁸, что существенно больше, чем можно заработать дома.

Часто предпринимаются попытки подсчитать, какую сумму северокаорейское государство получает от экспорта рабочей силы. Оценки колеблются от 150 млн долл. (если 65 тыс. получают по 200 долл. в месяц и 50% отдают государству) до 550 млн долл. (если 58 тыс. рабочих получают по 1 тыс. долл. в месяц и 80% отдают государству). А кое-кто говорит о 1,5–2,3 млрд долл. в год³⁹ (!) Эта цифра выглядит довольно внушительно, особенно на фоне сравнения с результативностью других источников твердой валюты для КНДР. Так, в 2015 г. Пхеньян получил около 1 млрд долл. от экспорта каменного угля, возможности которого в 2016 г. были серьезно ограничены санкциями Совета Безопасности ООН (установившего потолок в 400,6 млн долл. по стоимости или 7,5 млн т по объему)⁴⁰. В качестве заработной платы 54 тыс. северокаорейских рабочих в Кэсонском промышленном комплексе власти КНДР получили в 2015 г. лишь около 120 млн долл.⁴¹

По некоторым данным, во время зарубежных командировок (например, на Ближнем Востоке и в России) после выполнения работ на основном объекте, северокаорейские строители имеют возможность подрабатывать «в частном порядке». И эти подработки могут снискать хороший дополнительный доход, который может быть использован по возвращении на родину (в частности, для открытия собственного «бизнеса»⁴²).

Помимо материальных аспектов, можно говорить о профессиональном развитии и приобретении навыков работы с современными материалами и инструментами, которые северные каорейцы получают в процессе трудовой деятельности за рубежом и могут успешно использовать в работе по возвращении домой.

Перспективы трудовой миграции из КНДР

Будущее данного вида международного сотрудничества подвержено влиянию ряда внутренних и внешних факторов. Наличие избытка рабочей силы в Северной Кореи на фоне роста заработной платы в соседних странах стимулирует временный отток трудовых ресурсов из страны. Например, в начале 2010-х годов расходы на производство одежды в КНДР были почти на 30% ниже, чем в Северо-Восточном Китае благодаря более низкой минимальной зарплате (в КНДР она составляла около 80 долл.⁴³). Более 50 тыс. северокаорейских рабочих были заняты на совместном производстве в Кэсонском промышленном комплексе, где более 120 южнокорейских фирм производили в основном текстильные изделия и сборку электрооборудования. В середине 2015 г. минимальная зарплата в Кэсоне составляла 73,87 долл. в месяц. Для сравнения, в 2014 г. минимальная зарплата в Янгоне (Мьянма) составляла 71 долл., в Пномпене (Камбоджа) — 101 долл.,

в Коломбо (Шри-Ланка) — 131 долл., в Мумбае (Индия) — 208 долл., а в Циньдао (Китай) — 327 долл.⁴⁴ В 2010-е годы выезд северокорейских рабочих в Китай существенно увеличился благодаря их конкурентоспособности по сравнению с местными кадрами. После закрытия Кэсонского промышленного комплекса в начале 2016 г. освободилось более 50 тыс. обученных работников, что создало дополнительный ресурс для наращивания экспорта рабочей силы из КНДР.

Существующая в Северной Корее планово-административная система облегчает процесс организации и отправки временных трудовых мигрантов за рубеж. Возможность централизованного подбора кадров, получения всех необходимых документов, заключения трудовых соглашений, поддержания дисциплины в соответствии с внутренними нормами КНДР создают выгодную всем сторонам структуру по мобилизации трудовых ресурсов и использования ее на зарубежных объектах.

В условиях ужесточения международных экономических санкций, принятых на уровне Совета Безопасности ООН в 2016–2017 гг. и существенно ограничивающих торговлю традиционными экспортными товарами КНДР (каменный уголь, железная руда и другие виды полезных ископаемых, морепродукты), значительно возросло значение других источников получения иностранной валюты для финансирования отрицательного сальдо внешней торговли. Важное место среди них в настоящее время занимает экспорт рабочей силы. Также отправка рабочих на зарубежные объекты может быть использована в качестве компенсации для иностранных инвесторов за капиталовложения в КНДР. По имеющейся информации, отправка рабочих на Ближний Восток была одним из условий египетской компании «Ogascom Construction», построившей в КНДР в 2007 г. цементный завод⁴⁵.

Помимо факторов, способствующих увеличению масштабов трудовой миграции из Северной Кореи, существуют и серьезные проблемы.

Во-первых, экспорт северокорейской рабочей силы пытаются представить как нарушение санкций СБ ООН, запрещающих КНДР получение дохода, могущего идти на развитие ракетной и ядерной программ. В условиях, действующих против КНДР финансовых санкций, основным способом доставки заработков трудовых мигрантов на родину является перевозка наличной валюты. Некоторые эксперты указывают на то, что это может являться нарушением резолюций СБ ООН, запрещающих перевод в Северную Корею крупных сумм наличностью, поскольку там она может быть использована для запрещенной ракетно-ядерной деятельности.

Во-вторых, из разных столиц усиливаются призывы к введению санкций против «рабского экспорта рабочей силы» из Северной Кореи. Обеспокоенность соблюдением прав северокорейских рабочих за рубежом была выражена в резолюции СБ ООН № 2321 от 30 ноября 2016 г. Согласно параграфу 34, Совбез «выражает обеспокоенность по поводу направления граждан КНДР на работу в другие государства для того, чтобы они зарабатывали твердую валюту, которую КНДР использует для своих программ по ядерному оружию и баллистическим ракетам, и призывает государства проявлять бдительность в связи с такой практикой». В параграфе 11 резолюции СБ ООН № 2371 от 5 августа 2017 г. и вовсе закреплено, что «для всех государств-членов является недопустимым превышение в любой день с даты принятия настоящей резолюции общего числа разрешений на работу для граждан КНДР, выданных в пределах их юрисдикции на момент принятия настоящей резолюции». Исключение составляют только те одобренные ООН случаи, когда наем дополнительных граждан КНДР требуется для целей оказания гуманитарной помощи, денуклеаризации или любой иной цели, соответствующей целям резолюций 1718 (2006), 1874 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017) или 2371 (2017). Таким образом, фактически был установлен верхний предел возможного объема экспорта рабочей силы

из КНДР, соответствующий количеству действующих разрешений на работу северных корейцев в других странах по состоянию на 5 августа 2017 г.

В-третьих, отдельным фактором могут являться опасения руководства КНДР по поводу роста числа перебежчиков и увеличения потока идеологически вредной информации из-за рубежа. Такие случаи, как, например, побег 12 северокорейских работников ресторана в Китае в Республику Корея в 2016 г., наверняка, вызывают у руководства КНДР вопросы о мерах по пресечению подобных ситуаций.

В целом, несмотря на преобладающее у руководства КНДР желание нарастить масштабы экспорта рабочей силы и заинтересованность в этом ряда стран-реципиентов, сделать это вряд ли удастся в силу действующих международных ограничений, введенных Советом Безопасности ООН в отношении Северной Кореи.

* * *

Трудовая миграция из КНДР осуществляется по государственным (или полугосударственным — с привлечением частных компаний на местах) каналам, что дает основания называть этот вид международного экономического сотрудничества одним из направлений государственной политики. Его востребованность возрастает на фоне снижения доходов правительства Северной Кореи от других источников валюты, таких как экспорт сырьевых товаров и функционирование Кэсонского промышленного комплекса.

Помимо обеспечения валютных поступлений, экспорт рабочей силы является способом частично решить проблему нехватки рабочих мест внутри страны. Граждане КНДР в ходе зарубежных командировок также приобретают новые навыки и осваивают новые технологии, что способствует их профессиональному развитию. Кроме того, заработанные за границей деньги они привозят домой и могут вкладывать в местное производство или открытие предприятий в сфере услуг. Таким образом, формируется своеобразный механизм накопления частного капитала в условиях формально государственной экономики КНДР.

В то же время, несмотря на взаимовыгодность этого способа сотрудничества для КНДР и целого ряда стран, в условиях ужесточения антисеверокорейского санкционного режима в ответ на ядерные и ракетные испытания Пхеньяна возможно введение дальнейших ограничений и на экспорт рабочей силы из КНДР, вплоть до его полного запрета.

-
1. *Breuker Remco, van Gardingen Imke. A New Lease of Life? DPRK Forced Overseas Labour in the EU. Leiden Asia Centre. 2016. P. 2. URL: <https://slavestothsystem.files.wordpress.com/2016/02/a-new-lease-on-life-def.pdf> (дата обращения: 23.03.2017).*
 2. *Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР: В поисках выхода из тупика. М.: Наука, 1993. С. 51.*
 3. *Безик И.В. Участие граждан КНДР в хозяйственном освоении советского Дальнего Востока (1950-е — начало 1960-х гг.) // Известия Восточного института. 2011. № 17 (1). С. 64.*
 4. *Ващук А.С. Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX — начале XXI века. // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2012, № 1. С. 77.*
 5. *Безик И.В. Указ. соч. С. 65, 68.*
 6. *Там же. С. 67–68.*
 7. *Ващук А.С. Указ. соч. С. 78.*
 8. *Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 96.*
 9. *Ващук А.С. Указ. соч. С. 79.*
 10. *Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 97.*
 11. *Ващук А.С. Указ. соч. С. 79.*
 12. *Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 98.*

13. Вацук А.С. Указ. соч. С. 80.
14. Там же. С. 81.
15. Kim Han-joo. North Korean Workers Overseas and their Livelihoods. // Vantage Point. July 2011. P. 25.
16. Korea Exports Forced Laborers for Profit, Rights Groups Say. 19 February 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/02/20/world/asia/north-koreans-toil-in-slavelike-conditions-abroad-rights-groups-say.html?smprod=nytcore-iphone&smid=nytcore-iphone-share&_r=0 (дата обращения: 01.05.2017).
17. Justyna Radziejewska-Gollob. North Korean overseas labourers: sustaining the regime and country's isolation or transforming the society? // Paper presented at the 8th World Congress of Korean Studies. 2016. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1478847607.pdf (дата обращения: 20.04.2017).
18. North Korean Forced Labour in the EU, the Polish Case: How the Supply of a Captive DPRK Workforce Fits Our Demand for Cheap Labour. Findings from the Slaves to the System Project. Leiden Asia Centre. 6 July 2016. P. 25.
19. Осетрова М.Е. Северокорейская кухня как средство публичной дипломатии. // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 371.
20. Li Tingting. China-North Korea Trade 2015: The Beginning of a Downturn. // Joint U.S. Korea Academic Studies. 2016. Vol. 27. P. 188–189.
21. 100,000 North Korea workers facing human rights violations overseas. Sept. 20, 2016. URL: http://www.upi.com/Top_News/World-News/2016/09/20/100000-North-Korea-workers-facing-human-rights-violations-overseas/2451474390641/ (дата обращения: 01.05.2017).
22. Lankov A. Dandong's other North Korean workers: Exploited industrial workers still have better lives than they would in the North. 4 February 2016. URL: <https://www.nknews.org/2016/02/dandong-s-other-north-korean-workers/> (дата обращения: 01.05.2017).
23. Россия в цифрах: Краткий стат. сб. /Росстат. М., 2016. С. 102.
24. Там же. С. 103.
25. Труд и занятость в России. 2015: Стат.сб. /Росстат. М., 2015. С. 180–181.
26. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства от 31 августа 2007 г.
27. Число иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России, снизилось до 174 тыс. человек, имевших патент — до 1487 тыс. // Демоскоп Weekly. № 697–698. 19 сент. — 2 окт. 2016 / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php> (дата обращения: 01.05.2017).
28. Yonhap: в 2016 году на стройках в России погибли 13 рабочих из КНДР. URL: <http://www.newsru.com/russia/20sep2016/13rab.html> (дата обращения: 01.05.2017).
29. N Korean Workers in Russia: Reality Behind Western Horror Stories. 30.11.2016. URL: <https://sputniknews.com/asia/201611301048015988-north-korean-workers-in-russia/> (дата обращения: 01.05.2017).
30. [Exclusive] Group of N. Korean Workers in Russia Seeking Asylum in S. Korea. 2016–10–12. URL: http://world.kbs.co.kr/english/news/news_Po_detail.htm?No=122421&id=Po (дата обращения: 01.05.2017).
31. Forgoing Chinese workers, Russia turns to North Korea. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/Article.aspx?aid=3005148> (дата обращения: 13.02.2016).
32. Александр Мацегора: Трампу лучше воздержаться от ударов по КНДР. URL: <https://ria.ru/interview/20170414/1492248517.html> (дата обращения: 25.04.2017).
33. North Korean Forced Labour in the EU... P. 20.
34. International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: North Korea Strategy Center, 2012. P. 16.
35. Александр Мацегора: Трампу лучше...
36. Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go. Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea. Seoul: The Asan Institute for Policy Studies, 2014. P. 10.
37. Yoon Y., Lee. S. Human Rights and North Korea's Overseas Laborers: Dilemmas and Policy Challenges. Seoul: Database Center for North Korean Human Rights, 2015. P. 65.
38. Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go. Op. cit. P. 9.

39. International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: North Korea Strategy Center, 2012. P. 12.
40. Sanctions to Cut 25% of North Korea's Export Revenue. 07.12.2016. URL: <https://sputniknews.com/asia/201612071048284623-north-korea-unsc-sanctions/> (дата обращения: 02.05.2017).
41. Government Statement regarding the Complete Shutdown of the Gaeseong Industrial Complex. February 10, 2016. URL: <http://eng.unikorea.go.kr/content.do?cmsid=1834&cid=44417&mode=view> (дата обращения: 02.05.2017).
42. *Lankov A.* Loyalists, Defectors and Life Abroad. The Daily Life of North Koreans. NK Consulting Inc., 2017. P. 37–38.
43. *Tjia Paul.* Garment Production in North Korea. 30 August 2012. URL: <http://38north.org/2012/08/tjia082912/> (дата обращения: 01.03.2017).
44. *Suh Dae-hoon.* Analysis of Business Operations at Kaesong Industrial Complex. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=105592 (дата обращения: 01.05.2017).
45. *Haggard Stephan and Noland Marcus.* North Korea's External Economic Relations / Peterson Institute for International Economics // Working Paper Series. August 2007. P. 11.